

ПРАВИТЕЛЬСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ БЮДЖЕТНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО
ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ
«САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ»
(СПбГУ)

Кафедра Еврейской культуры

Зав. кафедрой Еврейской культуры,

Председатель ГЭК

д.ф.н., Тантлевский И.Р.

Выпускная квалификационная работа на тему:

БИРОБИДЖАНСКИЙ ПРОЕКТ В ЛИТЕРАТУРЕ НА ИДИШЕ

По направлению – 03300 «Культурология»

Профиль – Еврейская культура

Выполнил: студент

**Коморченко Александра
Игоревна**

Научный руководитель:

к. филол. н. **Федченко
Валентина Владимировна**

Санкт-Петербург

2016 г.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	3
Глава I. БИРОБИДЖАНСКИЙ ПРОЕКТ.....	6
1.1. О ПРОЕКТЕ.....	6
1.2. ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ.....	9
Глава II. БИРОБИДЖАНСКИЙ ПРОЕКТ В ЛИТЕРАТУРЕ.....	14
2.1. ПРОПАГАНДА БИРОБИДЖАНА В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ.....	14
2.2. БИРОБИДЖАН В МЕМУАРАХ.....	33
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	46
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСПОЛЬЗОВАННЫХ РЕСУРСОВ.....	48

ВВЕДЕНИЕ

Биробиджанский проект – культурный или, как считают многие, политический проект по переселению еврейского населения на Дальний Восток, который был организован с целью решить еврейский вопрос в России. В данном проекте «не только воплощались идеи национального строительства, земельного устройства трудящихся евреев, создания промышленной и сельскохозяйственной базы автономии, но и решались задачи формирования центра советской еврейской культуры и еврейского издательского дела», конструирование новой советской еврейской культуры в условиях отсутствия места для религии – фундамента общности всех евреев».¹

Цель данной работы – проследить развитие представлений о Биробиджанском проекте, используя в качестве источников еврейскую литературу на идише. О Биробиджане писали много, ему посвящали стихи, пьесы, романы, мемуары. Литература, относящаяся к данной теме, отличается в зависимости от периода и территориального положения, где работы были написаны. Произведения, изданные в Советском Союзе, проходили тщательную проверку цензурой, и их судьба зависела от содержания и политической направленности. Литература на идише играла важную роль в формировании национальной культуры Еврейской автономной области. Биробиджан во время его расцвета воспевали такие еврейские писатели как Давид Бергельсон, Эмануэль Казакевич, Давид Гофштейн, Перец Маркиш, Дер Нистер, Арон Вергелис, Ицик Фефер, Гирш Добин, Мойше Гольдштейн, Арон Кушников и многие другие. Их произведения можно отнести к советской литературе за исключением того, что написаны они на еврейском языке – литература национальная по форме и

¹ Журавлева О. П. История книжного дела в Еврейской автономной области (конец 1920х – начало 1960 – х гг.). Хабаровск, 2008. С. 68.

социалистическая по содержанию. Наибольший интерес для изучения феномена Биробиджанского проекта представляют работы, изданные за пределами Советского Союза или в постсоветское время. Это и мемуары еврейских писателей: Хаима Мальтинского, Исраэля Эмиота, Шифры Липшиц, и пресса, издаваемая в Варшаве, Нью-Йорке и других странах.

Задачей в исследовании материала, посвященного Биробиджанскому проекту, является изучение еврейской культуры в рамках советской на примере данного проекта, определение его значения и влияния. В данной работе был использован традиционный подход к советской литературе как пропагандистскому материалу, нежели эстетическому феномену соцреализма, который перерабатывает реальность - такой подход к советской литературе и творчеству в целом предложил историк и культуролог Е. А. Добренко в своей работе «Политэкономия соцреализма». Он пересмотрел все творчество художественных деятелей эпохи соцреализма, предложив взглянуть на него как на искусство.

Материал для данной работы отбирался не случайным образом: во-первых, выбор работ на языке идиш был сделан потому, что язык сразу ограничивает круг читателей, которому доступен текст и наделяет если и не национальным содержанием, то хотя бы формой. Во-вторых, были изучены художественные произведения пропагандистского содержания во время развития проекта, одна публицистическая статья того же периода и мемуары, опубликованные в годы хрущевской оттепели за пределами страны, что позволило взглянуть на Биробиджанский проект с разных сторон.

Для исследования данной темы были изучены следующие научные работы: монография О. П. Журавлевой «История книжного дела в Еврейской автономной области (конец 1920 – х – начало 1960 – х гг.)» 2008 года, исследовавшая историю зарождения и распространения еврейской книги и периодики на территории ЕАО; монография А. В. Блюма «Еврейский вопрос под советской цензурой 1917-1991» 1996 года, посвященная истории санкций

советской цензуры в отношении еврейской темы в русской литературе и печати, изданиям на идише и иврите, а также писателей и поэтов еврейской национальности; архивные документы, собранные и изданные Г. В. Костырченко в форме книги под названием «Государственный антисемитизм в СССР. От начала до кульминации, 1938-1953) 2005 года; работа В. З. Паперного «Культура ДВА» 1996 года, в которой описывается советская действительность с помощью двух идеализированных моделей – культуры 1 и культуры 2; монография И. С. Бренера и А. В. Зарембы «Биробиджанский проект в научных исследованиях. Ценности и интересы в истории Еврейской автономной области» 2013 года, работа Е. А. Добренко «Политэкономия соцреализма» 2007 года и другие.

Данная работа является актуальной в наше время с точки зрения изучения проблем национальных меньшинств: насколько успешны проекты по выделению автономной территории разобщенным по всей стране народам, и есть ли необходимость в их принудительной ассимиляции. Изучение и анализ национальной политики советского периода позволяет предотвратить ошибки прошлого и заимствовать полезные идеи. Художественная литература в совокупности с мемуарами помогают понять, как ту или иную политику репрезентируют в годы ее осуществления и как представляют после.

ГЛАВА I.

БИРОБИДЖАНСКИЙ ПРОЕКТ

1.1. О ПРОЕКТЕ

Биробиджан – один из проектов советской власти по землеустройству евреев в Советском Союзе. Дальний Восток был не единственной территорией, которую рассматривали в качестве национального района для евреев, одним из ранних подобных проектов был Крымский. В отличие от Дальнего Востока, образование такого района в Крыму выглядело логичным, так как на этой территории проживало несколько десятков тысяч евреев. Неосуществление Крымского проекта историк Геннадий Костырченко в своей книге «Тайная политика Сталина. Власть и антисемитизм» объясняет тем, что параллельно с этим проектом существовал и Дальневосточный, который показался оптимальным в политическом и пропагандистском планах.² Во-первых, еврейскому народу предоставляли возможность приобщиться к национально-государственному строительству и стать полноценной социалистической нацией. Во-вторых, решалась проблема трудоустройства безработных и разорившихся после окончания политики НЭПа. В-третьих, заселение Дальнего Востока позволяло укрепить границу с Китаем, во внутренние дела которого активно вмешивалось Японское правительство, а также благодаря отдаленности от густонаселенных территорий с процветающим антисемитизмом достигалось сокращение масштабов этой «социальной болезни».³ Однако уже после образования Еврейской автономной области, Еврейский антифашистский комитет не раз писал правительству СССР с предложением создать еврейскую советскую республику на территории Крыма: «Опыт Биробиджана по ряду причин, в первую очередь вследствие недостаточной мобилизованности всех

² Костырченко Е.Г. Тайная политика Сталина. Москва, 2003. С. 114.

³ Там же. С. 115.

возможностей, а также ввиду крайней его отдаленности от места нахождения основных еврейских масс, не дал должного эффекта».⁴

Историк Арлен Викторович Блюм, занимающийся исследованием цензуры в Советском Союзе, видит в создании Биробиджанского проекта, как он говорит, некую философскую задачу: «Большевикам надо было найти обоснование для самого факта существования евреев как нации, ибо существование это входило в вопиющее противоречие с постулатами марксистско-ленинского исторического материализма». Еврейство на протяжении всего своего существования определялось как «духовно-религиозная общность», не обладающая собственной территорией, что противоречило доктринам коммунизма. Блюм предполагает, что в опровержении евреями марксистско-ленинского учения кроется антисемитизм по отношению к ним со стороны Советской власти.⁵ Создание еврейской автономии в СССР, по словам историка, могло иметь несколько задач: «устранить философское "недоразумение" еврейства», предоставить возможность реализоваться в национально-государственном строительстве, привлечь заграничное финансирование, дать еврейскому народу работу и тем самым сократить бедность, и, возможно, укрепить Дальний Восток, граничащий с вражеской Японией.⁶

Биробиджанский проект заинтересовал еврейство многих стран, потому что впервые было создано национальное автономное образование евреев с возможностью превратиться в республику. В самые первые годы создания автономии делалось многое, чтобы сохранить те остатки еврейской культуры, что существовали в стране. Колхозы и сельсоветы позиционировались как еврейские. Было принято решение «об употреблении идиша как официального языка области наравне с русским. Были основаны школы с преподаванием на идише, предпринимались попытки преподавать

⁴ Костырченко Е. Г. Государственный антисемитизм в СССР. Москва, 2005. С. 48.

⁵ Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой 1917-1991. Санкт-Петербург, 1996. С. 11.

⁶ Там же. С. 12.

еврейский язык в нееврейских школах».⁷ В 1934 году в области даже появился Еврейский государственный театр, а к 1938-му в Биробиджане был построен кинотеатр со звуковым кино.⁸

Осуществление Биробиджанского проекта было невозможно без пропагандистской кампании, во-первых, по причине территориальной отдаленности, во-вторых, ввиду тяжелых климатических условий, в-третьих, из-за страха неизвестности. Для привлечения людей была создана так называемая «переселенческая кампания»: издавались статьи, книги, брошюры, различные агитационные материалы на идише, что помимо основной своей функции, аккумулировало огромный пласт советской еврейской литературы на языке идиш. Биробиджанский проект оказал сильное влияние на культурную сторону советского еврейства, на развитие еврейского издательского дела, на язык.⁹

⁷ Журавлева О. П. История книжного дела в Еврейской автономной области (конец 1920х – начало 1960 – х гг.). Хабаровск, 2008. С. 34.

⁸ Давид Вайсерман. Биробиджан: мечты и трагедии. – Хабаровск, 1999. С. 33.

⁹ Журавлева О. П. История книжного дела в Еврейской автономной области (конец 1920х – начало 1960 – х гг.). Хабаровск, 2008. С. 36.

1.2. ПОЛОЖЕНИЕ ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ В СОВЕТСКОМ СОЮЗЕ

Начало осуществления Биробиджанского проекта пришлось на период, когда в Советском союзе усилилась, даже ужесточилась цензура. Литература на иврите была признана фашистской, относящейся к вражескому сионизму, были ликвидированы академические работы, посвященные изучению еврейской культуры.¹⁰ Из «еврейского» в этот период разрешалось писать и издавать литературу и прессу на идише, которые соответствовали требованию советской власти, диктатуре соцреализма. Из литературных журналов того времени, которые печатали на своих страницах художественные произведения на идише, можно выделить: «Дер Штерн» (Звезда), «Форпост», «Советише литератур» (Советская литература) - они были закрыты перед началом Второй мировой войны.¹¹ Центральными издательствами, занимающимися политической и художественной литературой на идише и русском языке, были «Дер Эмес» (Москва) и «Украинское издательство национальных меньшинств» (Киев)¹². «Подавляющее большинство художественных произведений советских еврейских авторов в переводе с идиша выходило в «Серии еврейской литературы» (1930–1931 гг., Государственное издательство художественной литературы), в серии «Творчество народов СССР» (1929–1930 гг., Госиздат), в «Библиотеке «Огонька». Издательство «Искусство» публиковало драматические сочинения и пьесы еврейской тематики».¹³ В 1933 г. Президиум Центрального Совета ОЗЕТа решил обратиться к еврейским писателям и привлечь их к участию в культурном обслуживании переселенцев. «Рекомендовались поездки писателей на продолжительное

¹⁰ Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой 1917-1991. Санкт-Петербург, 1996. С. 64.

¹¹ Там же. С. 65.

¹² Журавлева О. П. История книжного дела в Еврейской автономной области (конец 1920х – начало 1960 – х гг.). Хабаровск, 2008. С. 36.

¹³ Там же. С. 37.

время для работы в еврейских колхозах Крыма, УССР и Биробиджана, с оказанием содействия в подобных поездках и устройстве на место работы».¹⁴

Из одобренных властью писателей можно выделить Давида Бергельсона, Ицика Фефера, Лейба Квитко, Эмануэля Казакевича, Арона Вергелиса, Арона Кушнирова, Ицика Бронфмана, Бориса Миллера и многих других. ОЗЕТ, занимающийся устройством евреев в стране, тоже занимался издательством еврейской литературы, но пропагандистского содержания (большая часть была посвящена пропаганде переселения в Биробиджан).¹⁵

Еврейская советская литература на идише и периодика были важными проводниками социально-культурной политики Биробиджана. По этой причине советское руководство стремилось увеличивать тиражирование книг и прессы и их повсеместное распространение. Функция еврейской литературы заключалась в формировании советской реальности.

В 1936 году происходит переориентация и аннулирование еврейской темы. Катализатором стали труды, посвященные антисемитизму в царской России и в период революции 1917 года («Царская Россия и дело Бейлиса» 1933 года А. С. Тайгера).¹⁶ После этого о еврейских погромах, об антисемитизме, о сионизме было запрещено писать и опасно говорить. «Так в январе-феврале 1937 года цензоры Ленинградского Горлита, приставленные к так называемым «многотиражным» заводским газетам, то и дело вычеркивали из представленных на предварительный просмотр все упоминания о проявлении антисемитизма».¹⁷ Был случай, когда цензор при проверке учебника по математике, написанного евреем, вычеркнул таблицу геометрических фигур, где приводился пример наложения двух треугольников друг на друга, напоминающих Маген Давид.¹⁸ Табу в печати

¹⁴ Журавлева О. П. История книжного дела в Еврейской автономной области (конец 1920х – начало 1960 – х гг.). Хабаровск, 2008. С. 59.

¹⁵ Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой 1917-1991. Санкт-Петербург, 1996. С. 65.

¹⁶ Там же. С. 70.

¹⁷ Там же. С. 75

¹⁸ Там же. С. 76.

распространялось не только на слова «погром», «антисемитизм», но и на слова «еврей», «еврейский», они вычеркивались из лексики и заменялись на «космополиты», «сионисты», «агенты Джойнта».¹⁹

Американо-русский писатель, культуролог и искусствовед, Владимир Паперный, разработал собственную модель, конструкцию советской действительности, при помощи которой попытался объяснить, почему так резко поменялась политика советской власти: Паперный выделил два периода, обозначив их, как Культура I (20е годы) и Культура II (30е-50е).²⁰ Эти две культуры, по его мнению, противоположны друг другу, хоть и безусловно связаны. В Культуре I ценности периферии выше ценностей центра, индивидуальные особенности человека стираются, общество обладает только одной чертой, нарисовано одним мазком, в Культуре II – наоборот, происходит одновременная проповедь коллективизации и индивидуализма (репрезентант коллектива). Биробиджанский проект, можно сказать, проходил сквозь эти две культуры. Зародился в одной, завершился в другой. Применяв данную теорию Паперного о вымещении второй культуры первой, можно предположить, почему к концу 30х годов отношение к Биробиджанскому проекту диаметрально поменялось.

В первый период Великой Отечественной войны политика в отношении евреев впервые за долгое время смягчилась, еврейским писателям разрешалось «высказаться» о своем еврействе и рассказать о том ужасе, что им принес фашизм.²¹ В эти годы литература на идише переживает невероятный подъем. Писатели могли обращаться к библейским сюжетам, говорить о своих национальных чувствах, о евреях-фронтовиках т.д.²² Такая либеральность в отношении еврейской литературы продолжалась недолго, уже спустя два года начались «чистки» партийных кадров еврейского

¹⁹ Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой 1917-1991. Санкт-Петербург, 1996. С. 78.

²⁰ Паперный В. З. Культура два. Москва, 1996.

²¹ Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой 1917-1991. Санкт-Петербург, 1996. С. 88.

²² Там же. С. 89.

происхождения, деятелей искусства, издательств. Евреев начали обвинять в том, что они слишком много внимания направляют на самих себя, слишком много внимания уделяют своему горю, а не горю советского народа в целом. Их обвиняли в том, на что у них было разрешение. Началась череда многочисленных обвинений в буржуазном национализме и сионизме в отношении еврейских писателей. К концу 40х годов было прекращено издание книг на идише, закрыты еврейские издательства «Дер Эмес», «Эйникайт», а также альманахи «Геймланд» и «Дер штерн», прокатилась волна арестов на еврейских писателей, журналистов и других культурных деятелей.²³ Аресты не разглашались, но было заявлено, что в стране идет борьба с «безродным космополитизмом» и «буржуазным национализмом». Началось массовое изъятие произведений арестованных писателей: Д. Бергельсона, Д. Гофштейна, Л. Квитко, П. Маркиша, И. Фефера и многих других.²⁴ Изымали и уничтожали не только книги на идише неудобных властям писателей, но также еврейские книги на русском языке самых различных тематик, но признанных сионистски направленными. «17 сентября 1949г. Главлитом (который занимался формированием списков «запретной» литературы и ее уничтожение) был утвержден приказ Обллита Еврейской Автономной Области об изъятии из библиотек общественного пользования и книготорговой сети журналов «Биробиджан» с 1941 по 1948 гг. и «Форпост» (1939-1941) – все номера».²⁵

В 1953 году, когда начали реабилитировать еврейскую литературу, «возвращать» было нечего – «массовые библиотеки и книжные магазины такую литературу сразу же подвергали уничтожению».²⁶ Главлит всю вину за формирование списков и уничтожение литературы возложил на типографии.

²³ Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой 1917-1991. Санкт-Петербург, 1996. С. 101.

²⁴ Там же. С. 104.

²⁵ Там же. С. 106.

²⁶ Там же. С. 113.

«В течение 11 лет – после погрома 1948 г. и до 1959-го, если не считать небольшой газеты «Биробиджанер штерн», выходившей тиражом в 1 тыс. экз. и печатавшейся на идише лишь частично, на этом языке не вышло ни одного издания. Лишь к самому концу 50-х заметен некоторый прогресс: в 1959 вышло три книги на идише – произведения Менделе-Мохер Сфорима, И. Л. Переца и Шолом-Алейхема. Затем появились избранные произведения Бергельсона, а с 1961 года стал выходить «Советиш геймланд».²⁷

²⁷ Блюм А. В. Еврейский вопрос под советской цензурой 1917-1991. Санкт-Петербург, 1996. С. 119.

ГЛАВА II.

БИРОБИДЖАНСКИЙ ПРОЕКТ В ЛИТЕРАТУРЕ

2.1. ПРОПАГАНДА БИРОБИДЖАНА В ЕВРЕЙСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

ДАВИД БЕРГЕЛЬСОН

Советское руководство активно приглашало к сотрудничеству еврейских писателей с целью привлечь новых переселенцев в Биробиджан, потому что писатель еврейского происхождения знает проблемы своего народа, его нужды, его желания – человек, занимающийся пропагандой, должен хорошо разбираться с аудиторией, к которой он обращается. Одним из первых добровольцев, решивших воспеть новое территориальное образование Советского Союза в литературе, был Давид Бергельсон (1884-1952) – классик советской еврейской литературы на идише. Преданный социализму, в 1932 году он был приглашен в Биробиджан рассказать о первостроителях ЕАО, где спустя два года он принял решение остаться работать и жить. Это событие использовалось в пропагандистских целях с тем, «чтобы его прекрасному примеру последовали лучшие представители еврейской советской литературы, науки и искусства».²⁸ В городе он основал литературный кружок, а городские власти построили для писателя собственный дом. Бергельсон не только публиковал статьи, одобренные советским руководством, но и посвятил Биробиджану несколько небольших произведений, среди которых цикл рассказов под названием «Биробиджанские мотивы». Изданные в 1935 году, они входят в тот многочисленный пласт различного пропагандистского материала советских еврейских писателей соцреализма.

²⁸ Журавлева О. П. История книжного дела в Еврейской автономной области (конец 1920х – начало 1960 – х гг.). Хабаровск, 2008. С. 60.

Небольшие по размеру рассказы еврейского писателя Давида Бергельсона написаны в духе своего времени: «соцреализм весь – политика (пропаганда, идеология)²⁹, и описывают трудовые будни переселенцев, для которых работа – «не работа, а одно удовольствие»³⁰, которые любят свой новый дом – Биробиджан: «С высоты лесов он видел черные пятна сопки, белые шапки горных вершин, серебристую ленту реки, и на душе у него делалось хорошо»³¹, но тосковали по оставленным родным местам, как по возлюбленным. Герои Бергельсона – плотники, телеграфисты, машинисты сталкиваются с другим миром – русским или «другим» еврейским – американскими переселенцами. «Нам с вами не по дороге», - говорят американскому экономисту, прибывшему в Биробиджан для сотрудничества в осуществлении своего экономического проекта.

Герои рассказов – закоренелые энтузиасты, которые верят, что их новая земля расцветет, пусть даже не за обещанные два-три года, а за пятнадцать. Герои Бергельсона лишены индивидуальности, все они словно слеплены из одного материала - модель советского рабочего – «Этот парень, оказалось, где только не побывал! На прокладке дороги работал, на лесных заработках, на мелиорации, даже целину поднимал». Только носят эти герои другие имена, еврейские – вот и все, что осталось в них еврейского – имя. «Нечего делать мужиков из евреев!», - говорит заграничный гость из Америки, который представлен в качестве антигероя.³² «Из любой страны можно уехать когда угодно, только здесь это называется дезертирством», - говорит жена американского экономиста. Бергельсон представляет ее извивающейся змейкой, которая шипит, а не говорит – образ вражеского капиталистического мира.

²⁹ Добренко Е. А. Политэкономика соцреализма. Москва, 2007.

³⁰ Бергельсон Д. Биробиджанские мотивы // Литературный Биробиджан. Хабаровск, 1994. С. 112.

³¹ Там же. С. 113.

³² Там же. С. 120.

Труд у Бергельсона, да и в советской литературе в целом, превращен дело чести, героизм, высшей способностью человека, что выглядит ирреально. «Реальность - она – вне соцреализма – некая неокультуренная повседневность, которую еще только предстоит сделать пригодной для чтения и интерпретации»³³.

В зарисовке «Параллель – по-русски параллель» еврейский мир сталкивается с русским на просторах Биробиджана. Эти два мира взаимодействуют, помогают друг другу. Прежние традиционные еврейские запреты сняты, границы стерты – Бергельсон вводит в свой рассказ двух влюбленных - еврейского учителя математики и русскую девушку. Третий герой, заведующая еврейской школой, становится свидетелем этой связи, вместо традиционного осуждения связи между евреем и не евреем (гоем) – эта связь одобряется, ее понимают. Также ярко показана «тесная, почти не знающая различия связь языков» – русского и еврейского, когда героиня заучивает новые слова: «Трапедие – по-русски трапедия, квадрат – квадрат, пирамиде – пирамида».³⁴ Все в духе советской политики – стерты искусственные барьеры между народами, стремление к культурному и национальному единству.

В другом рассказе Бергельсона «В гору» герои обсуждают и говорят о проблемах, с которыми сталкиваются в Биробиджане: недостаточно поднята земля; нуждающиеся районы страдают от засухи; не готово необходимое количество квартир и бараков; вовремя не снабжены продовольствием к зиме молодые колхозы; недостаточно поймано и засолено рыбы; не создано ни одной артели для оружия; неизвестно, где размещать прибывавших переселенцев - последний раз, когда не смогли принять эшелон с 400 евреями, вышел скандал, а переселенцев пришлось отправить обратно. Говорить о проблемах в литературе было необходимо, создавать утопический

³³ Добренко Е. А. Политэкономия соцреализма. Москва, 2007, С. 15.

³⁴ Бергельсон Д. Биробиджанские мотивы // Литературный Биробиджан. Хабаровск, 1994. С. 125.

образ Биробиджана было невыгодно, а освещать проблемные темы - значит, вызвать у читателя доверие, побуждая советского человека справляться с нелегкими задачами: «тяжело, но это пройдет, впереди – только лучшее!»).

Проза Бергельсона, посвященная Биробиджану, служит практическим целям – создать привлекательный для потенциальных переселенцев образ Еврейского района, добавить образ советского, идейного рабочего и обличить капитализм. Ведь литература и пропаганда – одно и то же, как говорил Салтыков-Щедрин.³⁵ А при помощи художественной образности проще передать то или иное послание, обращаясь к чувствам читателя.

МОЙШЕ ГОЛЬДШТЕЙН

Мойше Гольдштейн (1900-1943) – еврейский писатель, который в 1931 году под влиянием социалистических идеалов добровольцем прибыл в Биробиджан из Аргентины, чтобы присоединиться к строительству города. По прибытии он вступил в коммуну «Икор» и свой цикл рассказов «Биробиджанцы на Амуре» посвятил коммунарам. Гольдштейн относился к первым иностранным рабочим-переселенцам, которые, по его словам, начали строить Соцгород.

Цикл рассказов Мойше Гольдштейна был опубликован издательством «Советский писатель» в Москве, в 1938 году, и посвящен советским евреям, построен в форме диалога, в котором участвуют еврейские рабочие. Они обсуждают работу, друг друга и соревнуются, кто лучше управляется с косой, в хозяйстве, с лошадьми. Гольдштейн разделял социалистические идеалы партии и конструировал свои произведения согласно советской

³⁵ Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. Соч.: в 20 тт. Москва, 1965. Т. 9. С. 62-63.

модели художественной литературы, где главное место отведено повествованию о тяжелой, но полезной работе советских тружеников, которые покоряют тайгу и героически осваивают новую землю. Из еврейского Гольдштейн в своих рассказах оставил только имена героев: Мендель, Хана, Сара, Шлойме-Довид, а в субботу заставил евреев работать - таскать мешки с мукой в амбар через всю деревню, потому что субботник. Так Шабат стал субботником.³⁶

« - Ну и местечко! Выискали-таки страну для нашего брата! ...Черт меня занес в эту треклятую тайгу! Ничего лучшего для нас найти не могли - кряхтит старик.

– Будет, будет, товарищ Брейтер! Еще годик-другой и на нынешних болотах зацветут виноградники. Что большевики порешили, то непременно будет!». ³⁷

ГИРШ ДОБИН

Гирш Добин (1905-2001) - еврейский писатель из Белоруссии, который в 1932 году переехал в Еврейскую автономную область и устроился работать в местную газету «Биробиджанер штерн». В 1938 году, на волне репрессий, Добин был обвинен в измене родине и отправлен в хабаровскую тюрьму. Через два года он был освобожден, но в Биробиджане не остался – вернулся на родину. Его пьеса «Биробиджан» была опубликована в литературном альманахе «Форпост» в 1940 году и поставлена в биробиджанском театре (ГОСЕТ) 27 марта этого же года.

³⁶ Гольдштейн М. Биробиджанцы на Амуре (идиш). Москва, 1934. С. 19.

³⁷ Там же. С. 53.

Действие пьесы происходит в 1934-1935 году, в колхозе близ берега реки Амур, куда регулярно прибывает пароход с переселенцами. Жители колхоза, «первооткрыватели» Биробиджана, «охотятся» за новоприбывшими, чтобы познакомиться с ними, прежде чем они попадут к ним:

На корабле из Хабаровска в Биробиджан прибыли новые переселенцы:

Эзра (бригадир переселенцев, отставной красноармеец, партийный), обращаясь к прибывшим детям: «Ну, дети, мы уже дома»

Залман (еврей с перевязанным горлом, всего боится): «Далеко отсюда колхоз?»

Пинский (колхозник, еврей, любит влезать туда, куда не следует), показывая на безлюдный берег: «Вот колхоз!»

Трайне (приставучая еврейка, прибывшая с Залманом), разводя руками: «На тебе, колхоз! Ни дома, ни крыши... Горе мне, горе!».³⁸

Новые переселенцы, своего рода, проходят «проверку» на прочность, готовы ли они на нелегкую жизнь в колхозе. Их пугают «байками», что некоторые люди возвращается обратно, откуда они прибыли. Героиня Трайне, прибывшая вместе со своими детьми, решает сбежать на пароход до Хабаровска со словами: «Подавитесь своим колхозом!» и уезжает, чтобы снова вернуться как ни в чем не бывало: «Меня попросили вернуться обратно, обещав квартиру!»³⁹

Посредством иронии Добин передает читателям сообщение: в Биробиджане хорошо, за его пределами – нет. Бывший извозчик, а ныне – лучший работник колхоза жалуется на то, что у него в колхозе все есть: и дом, и еда, и работа, и семья, а у соседей за пределами Биробиджана ничего этого нет. Заявив, что ему не нужны никакие человеческие блага, пытаюсь

³⁸ Добин Г. Биробиджан (идиш) // Форпост. Биробиджан, 1940. С. 46.

³⁹ Там же. С. 55.

убедить уйти вместе с ним жену и своих детей: «Вам дорог Биробиджан? Тогда вон из дома! Берите все и уходите! Я больше не хочу вас видеть!»⁴⁰, сам покидает Биробиджан со словами: «Я стал свободной птицей. Куда я ни пойду, мне всегда будет, где переночевать. Ради чего я должен остаться? Ради дома, благ? Прочь! Прочь! В землю с головой...бежать! Бежать отсюда!».⁴¹

Жители колхоза мечтают не только в поле трудиться, но и строительством заниматься. Старик: «Благослови вас Бог, детишки. С тех пор, как вы приехали сюда, у нас весело стало...ездим, дела делаем...а то руки наши все уже заоченели от ничегонеделания. Как только лето пройдет, привыкли мы усесться по домам, у печи, и привыкли мы так сидеть и думать: «Что здесь будет! Строить – мы не строим, делать – не делаем. Три года мы так просидели».⁴²

«Через 100 лет, друзья, когда будут писать историю Биробиджана, о нас напишут так: Они горели огнем энтузиазма к работе, за двухмесячные курсы они стали гончарами и принялись строить огромные дома...Днем они складывали дрова, а ночью, после продолжительного летнего рабочего дня, они ходили близ стройки, чтобы молотить биробиджанскую, еврейскую пшеницу...».⁴³

«- Вот несчастье! Мне не позволяют закончить работу.

- Кто не позволяет?! Я хочу тебе кое-что тебя спросить, твой отец был строителем?

- Что ты имеешь в виду?

- Я смотрю, у тебя работа очень легко идет.

⁴⁰ Добин Г. Биробиджан (идиш) // Форпост. Биробиджан, 1940. С. 58.

⁴¹ Там же. С. 58.

⁴² Там же. С. 60.

⁴³ Там же. С. 60.

- А! Да, он был выдающийся строитель!

- Что он строил?

- Каждый год он строил сукку. Только он разве виноват, что у него каждый раз набухали пальцы? Уж раз кровь такая...

- Действительно строителем был...».⁴⁴

Комедийный сюжет, непривычные диалоги, опасная грань между искусственной реальностью и настоящей. Герои Добина - не то тунеядцы, не то мечтатели, жизнь которых разбавляет обсуждение друг друга и «охота» за новыми гостями, прибывающих на пароходе, и сам Биробиджан не то конечный пункт пребывания, не то временный, перевалочный. И если такой двойственный образ допустили бы в документальной или художественной прозе, то авторам несдобровать, а в комедии - позволительно. Между тем, герои Добина выглядят нереалистичными так, что перестают «читаться», а заключительный диалог пьесы возвращает читателя к главному сообщению автора:

Эзра: «Пусть к нам приезжают самые лучшие рабочие, такие, кто не уедет отсюда на Дальний Восток, проведут здесь пару лет...а мы встретим их с телегами, со всем необходимым».

Старик: «Мы скажем им: “Вот, дети, у нас были тяжелые времена, только сейчас все хорошо, и будет только лучше!”».⁴⁵ «Построим мы, дети, Биробиджан, назло всем, кто захочет нам навредить, и будем только отмечать праздники – один за другим...».

⁴⁴ Добин Г. Биробиджан (идиш) // Форпост. Биробиджан, 1940. С. 59.

⁴⁵ Там же. С. 73.

ШМУЭЛЬ ГОРДОН

Шмуэль Гордон (1909-1998) – еврейский писатель на идише. Родился в Литве, затем жил на Украине, а учился в Московском педагогическом университете на кафедре еврейской литературы. Его первый сборник рассказов «Между Азовским и Черным» был посвящен поселенцам в новых еврейских агрикультурных колониях. Гордон два раза посещал Биробиджан – до войны и после и написал несколько рассказов на эту тему, такие как «Патриоты» (1936), «Биробиджанские дети» (1937) и «Биробиджанцы» (1947). Во время Второй Мировой войны Шмуэль Гордон работал в качестве журналиста в Еврейском антифашистском комитете, печатался в «Эйникайт». В 1944 году был принят в Союз Советских писателей, а в 1949 был арестован и сослан в Гулаг, где находился до 1956 года.

Написание путевых заметок Гордона пришлось на 1946 год, когда в области решили возобновить культурно-просветительную работу с населением и основать новый литературный альманах, посвященный Еврейкой области на идише, под названием «Биробиджан». К участию в судьбе альманаха приглашались литераторы, в том числе и Гордон, рассказы которого были приняты и опубликованы в альманахе.

Путевые заметки Шмуэля Гордона под названием «Биробиджанцы» были написаны в послевоенное время, напечатаны в газете «Дер Эмэс» и изданы в качестве книги в Москве, в 1947 году. В своих «литературных набросках» Гордону было важно разговаривать со своими героями, он брал у них «интервью», интересуясь самым главным: как им живется в Биробиджане.

Шмуэль Гордон возвращается в ЕАО много лет спустя и знакомится с ним заново, сравнивая его с тем Биробиджаном или просто станцией «Тихонькая», которую он когда-то видел. В речи местных жителей он

замечает, что «биробиджанские слова: сопка, тайга, паут, корчи и другие за последние десять лет стали родными словами в еврейском языке...»⁴⁶

«Почему так известен биробиджанский дождь и так мало известны необычайно красивые летние дни? Почему в городах и местечках больше слушают тех, кто только съездил в Биробиджан и вернулся обратно, а не тех, кто здесь живет 18-19 лет и сами построили город, поселки, вокзалы?»⁴⁷

«Нас здесь в тяжелые времена держала уверенность, что евреи приедут сюда, и вместе с нами будут строить Еврейскую Автономную область. Видишь, мы были правы».⁴⁸

И город в его глазах действительно изменился: новые улицы, дороги покрыты асфальтом, на улицах тротуары, построены дома – двух и трехэтажные с балконами, вокруг – кинотеатр, музыкальная школа, радиостанция, медицинские и педагогические училища, техникум.⁴⁹ Гордона наполняет чувство восхищения увиденным, в каждом новом строении он находит красоту. «С каждым днем Биробиджан мне казался все красивее, больше, особенно в солнечный день».⁵⁰

Писатель с гордостью замечает, что на улице Биробиджана, в сквере находится радиорупор, откуда из биробиджанской студии громко звучит еврейский язык.⁵¹ А 10 лет спустя известная детская писательница Емима Черновиц, которая вместе со своим мужем, послом Израиля в Москве Йосефом Авидаром побывала в Биробиджане, напишет в своем дневнике так: «Духно пришел сообщить нам, что скоро начнется «еврейский час» по радио. Дважды в неделю тут есть передачи на идиш. Хемда, работавшая бухгалтером в радиокомитете, открыла нам секрет, что ради нас изменили расписание: воскресную передачу перенесли на субботу... Мы сидели и

⁴⁶ Гордон Ш. Биробиджанцы. Путевые заметки (идиш). Москва, 1947. С. 5.

⁴⁷ Там же. С. 8.

⁴⁸ Там же. С. 9.

⁴⁹ Там же. С. 15.

⁵⁰ Там же. С. 17.

⁵¹ Там же. С. 18.

слушали еврейскую передачу. Девушка с тяжелым русским акцентом вещала на идиш о росте производительности труда, а парень-токарь рассказывал о своей работе у станка. Передача была дословным переводом трансляций подобного рода, распространенных в этой стране. В ней не было совершенно ничего еврейского. И только последние пятнадцать минут были посвящены народным песням в стиле «мехутенисте» (сватья), «фрейлехс» (еврейская свадебная мелодия) и т.п. - старые-престарые песни, пропахшие нафталином. Старик Гельфман таял от удовольствия: ай, а мехае⁵²! Еврейская песня... Он расчувствовался до слез, а мне было больно видеть этого милого старика, обгладывающего убогую кость, брошенную ему по радио...»⁵³

Жители, встречающиеся на пути прибывшего в Биробиджан Шмуэля Гордона, рассказывают небольшую историю, в которой главные герои – они и город. Кого бы ни встретил автор, каждый поделится своей глубокой любовью к Биробиджану и только светлыми воспоминаниями: «Я помню все немецкие города. Я до войны много чего видел. Ну, что я могу вам сказать, я видел много красивых городов, но тянет меня сюда, в Биробиджан».⁵⁴

Рассказы Гордона состоят из диалога со случайно встретившимися путниками. Этих людей объединяет между собой то, что они находятся в Биробиджане много лет, большинство из них своими руками закладывали фундамент города. Каждый диалог имеет схожую структуру: писатель задает вопрос о Биробиджане, а его собеседник начинает свою небольшую историю, спрашивая: «Что знаете вы, что мы здесь натерпелись... что было здесь 18-19 лет назад». Проблематика: как евреи за один год поднялись со своих насиженных мест и отправились в тайгу, на Дальний восток, к Амуру, о котором ни они, ни их отцы не знали даже, что это – город, река или человек. «Амур видел, как переселенцы из городов и местечек, бывшие портные и обувщики, мясники и молочники на своих плечах таскают бревна из леса,

⁵² Благодать, наслаждение (идиш).

⁵³ Емима Черновиц-Авидар: биробиджанский дневник // Мы здесь №188. 5-11 декабря, 2008.

⁵⁴ Гордон Ш. Биробиджанцы. Путевые заметки (идиш). Москва, 1947. С. 19.

крошат камни сопок, строят дома».⁵⁵ И герои, разделив свою историю с автором, приходят в одному и тому же выводу: «А теперь у нас есть дом, постоянный, спокойный, безопасный дом».⁵⁶

В целом, произведение отвечает партийным требованиям к советской литературе, но чему-то действительно еврейскому Шмуэль Гордон позволил жить в своем рассказе:

« - Провалиться мне на месте, если это звучит еврейская песня! – все переглянулись друг на друга. Принялись двигать плечами, размахивать руками, но оставались сидеть как прикованные.

- У кого свадьба?

- Файтл, ты прав. Играют-таки еврейский фрейлехс. Где это могут играть?

- Что значит, где? В Биракане.

- Откуда в Биракане оркестр?».⁵⁷ Оказалось, что оркестр играл еврейский фрейлехс не молодоженам на еврейской свадьбе, а на вокзале, где народ собрался встречать мобилизованных красноармейцев (такова была традиция – встречать важных прибывающих гостей оркестром):

« “Хорошо, Шлойме, Хорошо”, - говорили дирижеру выходявшие из вагонов красноармейцы. Но подпевать во весь голос они не отважились, потому что музыка для них была чужая...».⁵⁸ Еврейская песня стала рудиментом культуры - ее помнят, но не придают ей былого значения.

Писатель спрашивает своих путников, какова причина, что у народа сейчас такое большое желание приехать в Биробиджан. На что ему отвечают, что еврейский народ должен воздвигнуть много городов, заводов, ибо их

⁵⁵ Гордон Ш. Биробиджанцы. Путевые заметки (идиш). Москва, 1947. С. 40.

⁵⁶ Там же. С. 42.

⁵⁷ Там же. С. 49.

⁵⁸ Там же. С. 50.

большинство были стерты с земли: «Мы заново должны построить крышу над головой».⁵⁹ «В Биробиджане не может быть плохо, и запрещено быть плохо», - говорят герои Гордона.⁶⁰

Заметки Гордона не лишены и иронии. Раввин, который когда-то преподавал в хедере, в Биробиджане стал лучшим столяром на заводе:

« - Где ты был весь вечер, Мойше?

- У ребе!

- Так поздно? Ну, и что вы там сегодня учили?

- Полировать столы!

- Какое отношение ребе имеет к полировке столов?»⁶¹

Сообщение Гордона можно интерпретировать так: чем заниматься раввинам в Советском Союзе, кроме как столы полировать и на стройке работать?

« - Как вам здесь живется, реб Симха?

- Спрашиваешь? Мы здесь строим область, ничего так, мы построим красивую область. Наши евреи могут работать. Здоровый народ у нас. Вот читаю я о минском гетто, вы знаете, как люди боролись за жизнь?...А гибли маленькие дети».⁶²

В послевоенных заметках Гордона чувствуется то «смягчение» в отношении советской еврейской литературы. Писатели уже могут говорить о еврействе, не подменяя одни слова другими, чтобы не показаться неполиткорректными. Местное население говорят на идише, готовят

⁵⁹ Гордон Ш. Биробиджанцы. Путевые заметки (идиш). Москва, 1947. С. 60.

⁶⁰ Там же. С. 68.

⁶¹ Там же. С. 78.

⁶² Там же. С. 78.

гефилте-фиш⁶³, поют нигуним⁶⁴, встречают субботу и любят то место, где они живут. Гордятся и верят в Биробиджан. Конечно, Шмуэль Гордон не показывает «плохой Биробиджан» с его предвоенными массовыми репрессиями, тяжелым послевоенным положением. Его рассказы - это описание жизни местного населения, их легенды о живой, целительной воде Амура, их воспоминания.

Навещая местных жителей, Гордон отмечает, что «самым большим украшением в еврейском доме является скрипка, что висит на стене», «...потому что музыка делает сердце чутким, чувства – нежными, а мир – красивее, - так говорит обычный биробиджанский еврей, - это священный язык человеческой души, как говорили наши великие писатели Шолом-Алейхем и Перец».⁶⁵

В Биробиджане Гордона в духе советского времени процветает пролетарский интернационализм – миры русских, казаков, украинцев, корейцев и евреев тесно пересекаются друг с другом и мирно уживаются:

« “Сколько мы здесь с вами уже живем?”,- спрашивает казак у еврея

“Сколько? Уже 20 лет, - отвечает ему Арье-Лейб, - только все, кажется, живут здесь намного дольше. Мы с вами соседи с незапамятных времен.⁶⁶ В Биробиджане русский строит еврейский город на берегу Амура вместе с евреями так, «словно основывает русский город на берегу Енисея».⁶⁷

«Сегодня исполнилось 19 лет, как я стал биробиджанцем. Я покинул Терновку не из-за нужды, упаси боже! Первое время здесь было сложнее, чем там, откуда мы прибыли. Нужно признать, не все наши переселенцы справлялись с трудностями, и не все остались строить Тихонькую, не все верили, что мы здесь построим жизнь. Что здесь отрицать? Были времена,

⁶³ Традиционное еврейское блюдо – фаршированная рыба.

⁶⁴ Напев без слов (ивр.)

⁶⁵ Гордон Ш. Биробиджанцы. Путевые заметки (идиш). Москва, 1947. С. 102.

⁶⁶ Там же. С. 116.

⁶⁷ Там же. С. 157.

когда я сам думал вернуться в Терновку. Дом, куда можно было уехать, был и у остальных евреев. Но человек живет не только сегодняшним днем и не только для себя. Наша советская власть и сам товарищ Сталин верили, что мы, евреи, не испугаемся трудностей и построим Еврейскую Автономную область. Вдумайтесь, какую драгоценную землю наше государство выделило нам! Лехаим за нашего вождя, любимого товарища Сталина!». ⁶⁸ Фраза «Лехаим за Сталина», как мне кажется, стала ключом к пониманию послевоенной эпохи Биробиджана – попытка возвращения к еврейскому миру внутри советского.

ХАИМ ЖИТЛОВСКИЙ

Хаим Житловский (1865-1943) - философ, публицист и убежденный идишист, посвятил Биробиджану статью под названием «Решение еврейского вопроса. Значение Биробиджана». Она была опубликована на идише и издана Икором. К сожалению, дату написания и публикации статьи точно определить не удалось. Однако, отталкиваясь от того, что в статье упоминается приход нацистов к власти в Германии, можно определить, что статья была написана где-то между 1933 и 1943 годами.

Стоит обратиться к биографии автора статьи, чтобы глубже понять характер и направленность мысли. Хаим Житловский родился в строго религиозной еврейской семье в 1865, в местечке Ушачи Витебской губернии. Параллельно с посещениями хедера обучался русскому и светским наукам. После окончания хедера поступил в Витебскую гимназию, где увлекся идеями народовольчества. «Двойная жизнь» Житловского – соблюдать еврейские традиции дома, с семьей и активно участвовать в движении народовольцев вне дома – повлияла и на двойственный характер его идей.

⁶⁸ Гордон Ш. Биробиджанцы. Путевые заметки (идиш). Москва, 1947. С. 129.

Историки характеризуют Житловского как социалиста, русского ассимилянта, интернационалиста, а позже и как приверженца территориализма и национального развития в социалистической стране.

Работа Житловского была издана ИКОРОм – название американской организации помощи еврейскому землеустройству в СССР – *idishe kolonizatsie arbayer*, поэтому содержание и стилистику статьи можно заранее спрогнозировать (ИКОР обычно занимался выпуском пропагандистских брошюр, заметок и т.д.).

Житловский видел в еврейском национальном возрождении на социалистической основе во всей России конечный пункт еврейского вопроса.⁶⁹ Националистические и социалистические идеалы одновременно соединялись в этом человеке. Биробиджан для Житловского был воплощением идеала свободы национального развития евреев в многонациональном социалистическом государстве. «Мы – люди, мы будем строить свою человеческую жизнь, и покуда вы живёте как один народ, хотим и мы жить как один народ, и именно в этой стране! Россия принадлежит нам точно так же, как и вам!»⁷⁰

Хаим Житловский относит себя к тем публицистам, которые, как он сам говорит, не увидели в советском решении выделить район для еврейской колонизации иного подтекста, кроме как нормализовать жизнь еврейских масс, сделать их равноправным народом, как и остальные народы, проживающие в Советском Союзе.⁷¹

Житловский выступал за идею национального возрождения, когда весь еврейский народ объединится на своей родине, которую он сам построит в форме свободной еврейской республики. Согласно его мнению, культурное возрождения и обновление произойдет при разобщении (разделении) языков,

⁶⁹ Житловский Х. Воспоминания (идиш). Том. 2. Нью-Йорк, 1915. С. 46.

⁷⁰ Там же. С. 50.

⁷¹ Житловский Х. Решение еврейского вопроса. Значение Биробиджана. Нью-Йорк, (?). С.3.

которыми владеют образованные круги, ибо эти люди создают культуру либо на языке чужого народа, либо на иврите. Житловский считал, что культуру еврейскому народу надо создавать на идише.

Житловский был национально настроен на возрождение еврейской культуры посредством возрождения его языка (идиша) и социально – когда вся еврейская жизнь должна быть радикально перестроена и основана на работе – аграрной и индустриальной. «Когда-нибудь мы станем не народом, занимающимся лишь торговлей, а рабочим народом, как когда-то в старые времена».⁷²

Житловский считал, что освобождение еврейского народа должно произойти везде, где проживают евреи среди нееврейских масс. В еврейской колонизации в Биробиджане Житловский видел трехкратное возрождение, обновление и освобождение. «Недалеко то время, когда ЕАО станет еврейской республикой, равноправной частью Советского Союза».⁷³

Концепция Житловского состояла в том, что «дом» для евреев должны строить они сами, как, говорит он, и строить его в Биробиджане, а не в том же Израиле, где всем занимаются не только евреи, но и чужеземцы.⁷⁴ Биробиджан – лучшее место для осуществления еврейских идеалов, потому что это часть той земли, на которой евреи жили сотни лет. «Наша история тесно связано с историей той земли, на которой мы проживаем».⁷⁵ «Биробиджан должен быть примером не только прогрессивного еврейства тех стран, где мы живем. Основным принципом еврейской национальной и культурной работы в Биробиджане должен служить сияющей, путеводной звездной на пути к новым землям, которые станут частью еврейской иммиграции».⁷⁶

⁷² Житловский Х. Решение еврейского вопроса. Значение Биробиджана. Нью-Йорк, (?). С.4.

⁷³ Там же. С.5.

⁷⁴ Там же. С. 8.

⁷⁵ Там же. С. 9.

⁷⁶ Там же. С. 10.

«Советский Союз в целом и Биробиджан, как часть этой страны, в которой также живут и нееврейские народы, дают нам пример, как национальный вопрос решается в национальных районах».⁷⁷ Критики идеи основать еврейское поселение в Биробиджане указывали на тот факт, что спустя несколько лет после начала переселения еврейское население все еще оставалось в меньшинстве. На это Житловский отвечал тем, что в первые годы таких переселений население всегда растет сначала в арифметической прогрессии, а спустя время, когда часть людей осядет на новой земле, население начнет расти в геометрической прогрессии.

Тяжелую борьбу с природными условиями Дальнего Востока Житловский объяснял тем, что бороться и подчинять себе природу естественно для человека, этим он занимается на протяжении всего своего существования.

Статья Хаима Житловского – агитация, обращенная к еврейским массам, призыв сконцентрироваться всему народу в Биробиджане – идеальном месте для осуществления своих идеалов. Автор воодушевленно и уверенно говорит о важности образования Еврейской автономной области для еврейского народа, о необходимости образовывать такие области/республики в каждой стране, где проживают евреи. Ибо такие решения ведут к освобождению еврейского народа от гнета других народов, но в тоже время не изолируют их от привычного контакта с другими. Советский Союз и его новообразование – Биробиджан, по мнению Житловского, подходит лучше всего для осуществления тысячелетней еврейской мечты. Во-первых, это социалистическая страна, это страна рабочих, что благотворно влияет на людей, в отличие от буржуазных стран. Во-вторых, евреи на протяжении нескольких сотен лет проживают на территории Советского Союза и контактируют с другими народами (история

⁷⁷ Житловский Х. Решение еврейского вопроса. Значение Биробиджана. Нью-Йорк, (?). С.12.

и культура еврейского народа неразрывно связана с историей и культурой других народов, проживающих рядом с ними).

2.2. БИРОБИДЖАН В МЕМУРАХ

О Биробиджанском проекте писали не только во времена соцреализма, не только агитационные статьи, брошюры, пропагандистские художественные произведения, но и мемуары. Мемуаристика – это память культуры, это ее текст.⁷⁸ Это не документалистика (хотя некоторые авторы утверждают, что их воспоминания можно использовать в качестве документального подтверждения тех или иных событий), но это личностный, субъективный взгляд на пережитые события. Мемуаров, посвященных Биробиджанскому проекту, от лица очевидцев – много, но для работы были выбраны мемуары еврейских писателей, которые жили и работали в Биробиджане. В их зафиксированных воспоминаниях Биробиджан оставил темный след. Акцент сделан на губительных репрессиях, постигших Еврейскую область, на беспричинных преследованиях и пустых обвинениях со ссылками в лагеря.

ХАИМ МАЛЬТИНСКИЙ

Биробиджанскому проекту посвящены мемуары еврейского поэта, писавшего на идише, Хаима Мальтинского (1910-1986) – «Суд над Биробиджаном». В мемуарах он рассказал историю своей жизни и роль Биробиджана в ней. Работа была издана в Тель-Авиве в 1981 году.

В 1941 году писатель добровольцем ушел на войну, откуда вернулся с серьезными ранениями и ампутированной ногой – вследствие чего получил инвалидность. Война отняла у поэта не только ногу, здоровье, но и всю семью. После войны, в родном Минске, Мальтинский не мог найти работу. Прежний литературный еврейский круг развалился, на идише никто не писал, а еврейские писатели либо уехали, либо были истреблены.

⁷⁸ Тартаковский А. Г. Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы, 1999. №1. С. 43.

Будучи инвалидом, поэт не был способен выполнять какую-либо другую работу, поэтому в 1947 году Мальтинский вместе со своей новой женой решил уехать в Биробиджан. Причиной такого решения послужила активная пропаганда Биробиджана со стороны антифашистского комитета на страницах газеты «Эйникайт»⁷⁹, где призывали еврейскую советскую интеллигенцию собраться всем вместе в Еврейской автономной области. Мальтинского пригласили работать в литературном альманахе «Биробиджан». Писатель и сам активно участвовал в пропаганде дальневосточного края, обращался с призывом ехать и строить «нашу Еврейскую область». Переезд в Биробиджан, по словам Мальтинского, был вызван не только отсутствием работы в Минске, но так же «ужасной атмосферой, которая царила в воздухе по отношению к евреям со стороны населения Белоруссии».⁸⁰ «Крестьяне из белорусских деревень, местечек и городов, где проживало компактное население евреев, собственными глазами видели, как самовольно обращались с евреями во время оккупации, и кроме этого, тысячи белорусских полицейских помогали обеими руками истязать и забивать еврейское население. И я, вернувшийся с фронта в 1946 году, в глазах местного населения почувствовал, что гитлеровская антиеврейская пропаганда была уже в крови и плоти белорусской толпы»⁸¹. Мальтинский пишет об антисемитизме, который не угас после окончания войны, который сопровождал вернувшихся в родные земли выживших евреев.

После окончания Второй мировой войны лишь некоторые из еврейских литераторов решились переехать в Биробиджан: «Можно сказать, что я был почти единственным, если не считать Израэля Эмиота, писателя из Польши, и еврейских литературных деятелей, которые сопровождали несколько эшелонов переселенцев – Дер Нистер, Йосиф Керлер, которые приезжали в Биробиджан на короткое время и уезжали обратно. Также Меламуд, Натович,

⁷⁹ Единство (идиш).

⁸⁰ Мальтинский Х. Суд над Биробиджаном (идиш). Тель-Авив, 1981. С. 23.

⁸¹ Там же. С. 24.

Арон Вергелис, приезжающие либо в командировку на две-три недели, дабы заработать пару рублей, либо по политическим причинам». Поэт пишет, что для еврейских писателей Советского Союза не было секретом то, что Биробиджанский вопрос и выеденного яйца не стоит!⁸² «Но все же, по инерции, мечта быть единым народом была, и Биробиджан притягивал к себе внимание. Надеялись, что, наверное, из этого может что-то и вылупиться, может быть, случится чудо. Кто-кто, но только старшее поколение советско-еврейских писателей – в первых рядах Давид Бергельсон, Йосиф Рабин, Херш Добин, Ицик Фефер и другие – были живыми свидетелями погрома, который произошел в 1937 году, в Биробиджане. Как в одно мгновение несчастны стали те мечтатели о еврейском коммунистическом национальном единстве, переселенцы из Аргентины, Канады, Литвы... Большинство из них были названы иностранными шпионами и арестованы, сосланы в сталинские лагеря, где они и скончались».⁸³

Мальтинский в своих мемуарах так же упоминает Давида Бергельсона, известного поэта и активного пропагандиста Биробиджана и советской идеологии. Он заявляет, что Бергельсона интересовал на самом деле не сам Биробиджан, а то, что в Москве должно быть специальное представительство Еврейской области, работать в котором он был бы не прочь. Мальтинский увидел в поэте глубокое разочарование в Биробиджане, в этой идее, разочарование, которое перешло в цинизм. Писатель вспоминает анекдот, который ему рассказал Бергельсон: «Любимый город Биробиджан, золотой город, с безграничными удобствами - где ты только захочешь, и где твое сердце пожелает, ты можешь помочиться!»⁸⁴

Обещанную работу в Биробиджане Мальтинскому не предоставили, местная редакция никаких писем не получала. Ему необходима была

⁸² Мальтинский Х. Суд над Биробиджаном (идиш). Тель-Авив, 1981. С. 21.

⁸³ Там же. С. 21.

⁸⁴ Там же. С. 22.

поддержка местных писателей, чтобы получить работу в редакции, и он решил добровольно редактировать книги Исраэля Эмота и Ицика Бронфмана, чтобы те замолвили за ним словечко. В итоге, Мальтинскому нашли небольшую работу в качестве корректора в местном издательстве. Он рассказывает, как издавался литературный альманах с малоизвестными, незначительными именами местных писателей и поэтов. «За идеологическую цензуру альманаха отвечал секретарь районного комитета партии Брохин, старый житель Дальнего Востока и явный русифицированный еврей с русской женой».⁸⁵ Мальтинский подмечает, что партийное руководство Еврейской автономной области были, как правило, ассимилированные евреи, которые в большинстве своем имели русских жен. «Это уже была своего рода болезнь, раз руководящие деятели района должны были завязать семейные узы с большим русским населением, чтобы заполучить больше доверия, чтобы быстрее стать частью партийной элиты».⁸⁶

В 1948 году усилился контроль над альманахом, который редактировал и готовил к выпуску Мальтинский: «В биробиджанском воздухе начал чувствоваться хорошо знакомый запах 1937 года». В Москве был закрыт антифашистский комитет, произошла ликвидация газеты «Эмес». Руководство в Биробиджане начало постепенно сменяться на русское. Новый руководитель Министерства безопасности начал вызывать людей на «разговор». На такой разговор, не объясняя никаких причин, вызвали и Мальтинского, как редактора биробиджанского литературного альманаха.

Мальтинский рассказывает в своих воспоминаниях о встрече с грузинским генералом Гоглидзе, который однажды, перед арестом, вызвал его на разговор, принеся на встречу папку с какими-то бумагами, которые автор, не глядя, подписал в 1941 году под давлением и угрозами. Встреча эта проходила ночью, Мальтинского привезли на вокзал и отвели в один из

⁸⁵ Мальтинский Х. Суд над Биробиджаном (идиш). Тель-Авив, 1981. С. 24.

⁸⁶ Там же. С. 25.

заброшенных вагонов, где за столом сидели полковники, генералы: «Так наконец-то я понял, что огромным многомиллионным народом Советского Союза управляют не коммунистическая партия, не районные и областные комитеты, не ЦК, но банды, местные касты, которые управляют страной по ночам в экспресс вагонах, которые как бандиты прячутся за вокзалами и освистывают все и вся».⁸⁷ В 1948 году снова начались аресты в Биробиджане. Арестовывали местных еврейских писателей и сотрудников редакции альманаха «Биробиджан», который в связи с этим был вынужден закрыться.

Летом 1949 года в Биробиджане состоялась партийная конференция, которую Мальтинский назвал «антиеврейской и антисемитской». «Самое смешное было то, что уже нечего было ликвидировать. Единственная еврейская школа в Биробиджане в 1949 году была уже не еврейской, только в одном из классов для пары человек один раз в неделю был урок идиша, а когда начались аресты, даже этот один единственный урок запретили. Альманах «Биробиджан» распространялся по всей области тиражом не более 20-30 экземпляров вместе 3-5 тысяч, как было раньше».⁸⁸ «Страх перед МГБ был таким большим, что даже старые евреи, которые знали идиш, боялись выписывать ежедневную газету на своем родном языке «Биробиджанер штерн». Дошло до того, что эту газету выписывали только в 60-70 экземплярах».⁸⁹

«После районной партийной конференции я почувствовал, что долго я не прохожу «на биробиджанской земле». Каждый день был для меня невыносимым. Я ходил кругами как живой мертвец. Меня убрали с работы в «Биробиджанер штерн», даже не сказав, почему. Я фактически остался без куска хлеба. Пенсия по инвалидности была маленькой, а на Дальнем Востоке все было дорого – продуктов было мало. На работу меня никто не хотел

⁸⁷ Мальтинский Х. Суд над Биробиджаном (идиш). Тель-Авив, 1981. С. 30.

⁸⁸ Там же. С. 31.

⁸⁹ Там же. С. 31.

братъ. Мне и моей семье просто пришлось голодать. Поиск работы продолжался более 4 месяцев...».⁹⁰

Мальтинскому предоставили работу на текстильной фабрике, которую ему было невероятно сложно выполнять. А 17 мая 1951 года его арестовали. «Я знал, что меня арестуют, я старался ни с кем вокруг не говорить, ни с кем контакта не иметь, чтобы ни у кого потом не было неприятностей, чтобы их не обвиняли в знакомстве и дружбе с «врагом народа». А биробиджанский МГБ хотел наоборот, чтобы я как можно дольше ползал по Биробиджану как «свободный человек», чтобы наблюдать, кто же «приклеится» ко мне. Может быть, я связан с американскими шпионами, может быть, «угощают» меня валютой и тайно помогают мне».⁹¹ «За мной повсюду следили глаза, которые знали, где я нахожусь, когда я ложусь спать, кто ко мне заходит в дом. Каждую неделю наш дом под различными предлогами навещал милиционер и проверял паспорта».⁹²

«К своему аресту я уже готовился больше полгода. Я каждый день «расставался» с моей очередной тетрадью со стихами, разрезая их, чтобы они не попали в руки жандармов. Какие из моих стихов передать и в чьи надежные руки – я не знал: тогда я постепенно каждый день уничтожал свои рукописи. Я был безжалостен к себе. Меня охватило глубокое отчаяние. Я уже не верил, что в России можно освободить еврейское слово». Жена Мальтинского вместе с дочерьми уехала к своей сестре в Узбекистан, тем самым спавшись от голода и смерти. Хаима Мальтинского отправили в Хабаровск, в местную тюрьму МГБ.

Часть своих мемуаров Хаим Мальтинский посвятил времени, проведенному в хабаровской тюрьме. Заметно старание автора передать все те реалии, с которыми ему пришлось столкнуться: В том же 1951 году,

⁹⁰ Мальтинский Х. Суд над Биробиджаном (идиш). Тель-Авив, 1981. С. 32.

⁹¹ Там же. С. 33.

⁹² Там же. С. 34.

согласно воспоминаниям поэта, в ЕАО были арестованы партийные деятели, председатель и секретарь исполнительного комитета, прокурор, секретарь партии ЕАО, заместитель редактора газеты «Биробиджанская звезда», главный редактор альманаха «Биробиджан», все – евреи. «Для Берии, Маленкова, Пономаренко и Гоглидзе абсолютно неважно было, кем были арестованные. Для осуществления «Биробиджанского дела» главным было, прежде всего, арестовать еврейских партийных, советских и идеологических руководителей района».⁹³

На допросах Мальтинского обвиняли в том, что он, как бывший редактор альманаха «Биробиджан» печатал работы врагов народа: Ицика Фефера, Лейба Квитко, Иосифа Добрушина и многих других врагов, националистов. «И в их писанине немало националистических штук».⁹⁴

«Я тогда не понимал, что все сфабрикованное «биробиджанское дело» было выдуманно, дабы наклеветать на партийных еврейских руководителей Биробиджана, что они продались, и были завербованы американскими шпионами».⁹⁵

«В те годы, что я был в Биробиджане, я заметил, что русифицированные, ассимилированные еврейские партийные руководители Еврейского края не любили часто упоминать название «Еврейская автономная область». Вся практическая и теоретическая пропагандистская работа районного и исполнительного комитетов проводилась на русском. Единственные три еврейских слова – «Еврейская автономная область – *idishe oytomome gegnt*» красовались только на старых официальных бланках и на вокзальной вывеске».⁹⁶

Обвинения в связи с японскими военными и американскими империалистами еврейских писателей, по мнению Мальтинского, было

⁹³ Мальтинский Х. Суд над Биробиджаном (идиш). Тель-Авив, 1981. С. 43.

⁹⁴ Там же. С. 46.

⁹⁵ Там же. С. 54

⁹⁶ Там же. С. 61.

нелепостью. «Весь центральный антисемитский вопрос был для того затронут, чтобы очернить лица советских евреев перед 200 миллионами советских граждан и разбудить в них огромную ненависть к евреям, готовясь к войне с Америкой».⁹⁷

В 1951 году поэта задержали согласно протоколу Ицика Фефера, где сказано, что в писательской деятельности Мальтинского присутствуют националистические штрихи. «В протоколы биробиджанского дела вошло много выдержек из показаний Фефера и разговоров с Бахмутским, Зильберштейном и все говорили об одном и том же – о планировании как одурачить коммунистическую партию и Сталина и сделать из еврейского района еврейскую республику и искусно создать в Советском Союзе еврейскую культуру с контрреволюционным содержанием».⁹⁸

Мальтинский открыто говорит о том, что, начиная с 1947 года, происходил круговорот режимных провокаций против евреев. Когда-то легальный призыв к евреям отправляться в Биробиджан спустя несколько лет обратился против самих же евреев. Все бывшие партийные организаторы переселения евреев в Биробиджан были названы партийными преступниками, политическими авантюристами и обвинены в связи с идеологией американского империализма. «Вся инициатива организовать массовое переселение в Биробиджан, весь напускной шум по поводу беспокойства о еврейском народе, эти сталинские хлопоты о создании еврейского государства в 1947 году - все это было просто спланированная провокация банды наемников Сталина, чтобы превратить за короткое время идею еврейского государства в идею еврейского предательства, американского шпионажа со стороны «партийных чудаков».⁹⁹

⁹⁷ Мальтинский Х. Суд над Биробиджаном (идиш). Тель-Авив, 1981. С. 65.

⁹⁸ Там же. С. 68.

⁹⁹ Там же. С. 69.

Спустя годы Мальтинский признается, что советское еврейство было просто дискредитировано в глазах старого и больного Сталина ближайшими его советниками, чтобы укрепить свои позиции в управлении Кремля.

Хаим Мальтинский был освобожден из хабаровской тюрьмы в 1955 году, в 1960 он вернулся в Минск, где продолжил свою литературную деятельность, печатаясь в «Советиш геймланд», а в 1973 году репатриировался в Израиль.

Мемуары писателя, в которых отсутствует приукрашенная советская действительность – важный ключ к пониманию Биробиджанского проекта. Очевиден контраст между образом Биробиджана как спасительной точки мира для еврейской культуры и Биробиджаном как, в первую очередь, советским продуктом, разрушающим не только культуру, но и людей.

ИСРАЭЛЬ ЭМИОТ

Мемуары, посвященные Биробиджану, написал еще один свидетель «эпохи» Еврейской автономной области, еврейский писатель Исраэль Эмиот. Его воспоминания представляют собой «тюремные записки» - рассказы о заключенных и тех, кто встретился Эмиоту на нелегком жизненном пути. Работа издавалась по частям в нью-йоркской газете «Форвертс» с 7 февраля по 15 апреля 1959 года. Сам писатель относит свою книгу больше не к мемуарному жанру, а к документальному, он описывает послевоенную еврейскую жизнь в Биробиджане, положение еврейской культуры в области.

Израиль Натанович Гольдвассер, он же Исраэль Эмиот – еврейский литературный деятель, большинство произведений которого было написано на идише. Родился в Польше, в годы войны был эвакуирован в Казахстан, где примкнул к остальным еврейским писателям. Еврейский Антифашистский

комитет предложил Эмиоту отправиться в Биробиджан работать корреспондентом. Под влиянием идеи компактного проживания евреев в одном месте, где они смогут развивать свою государственность и сохранить культуру, а также восторженных отзывов о дальневосточной Земле обетованной и напутственных слов Давида Бергельсона, Лейба Квитко и Арона Кушнирова, в 1944 году писатель отправился в Биробиджан.

«Когда в июле 1944 года я прибыл в Биробиджан, состояние еврейской культуры было весьма удручающим. Еврейская газета «Биробиджан штерн» в годы войны была закрыта. Выходила лишь «Биробиджанская звезда», в которой время от времени появлялась еврейская полоса».¹⁰⁰ Из еврейского в Биробиджане оставался еврейский театр, где все ставили спектакли из еврейского репертуара до тех пор, пока авторов пьес не признавали врагами народа. Работала только одна еврейская школа, где все еще преподавали идиш. «Но официальным языком области, как в 1936 году, когда идиш звучал в суде, милиции, исполкомах и других учреждениях, идиш уже не был».¹⁰¹ Не было уже в Биробиджане и педагогического училища, которое готовило учителей еврейского языка. Правда, в послевоенное время до 1952 года ситуация немного улучшилась: начали выпускать альманах на идише под названием «Биробиджан», снова пустили в тираж «Биробиджанер штерн», реанимировался еврейский музей и оживился театр.

Переселение в Биробиджан в послевоенное время, по утверждению Эмиота, возобновилось из-за обострившегося антисемитизма в Украине. Однако послевоенный переселенческий, строительный и культурно возрожденческий бунт закончился уже к 1948 году, когда «Деятельность еврейских учреждений культуры стремительно сошла на нет. Солидный Биробиджанский еврейский театр был превращен в Дом пионеров и школьников, а артисты театра от страха перед арестом разбрелись по

¹⁰⁰ Эмиот И. Биробиджанское дело. Нью-Йорк, 1960. С. 4.

¹⁰¹ Там же. С. 4.

огромному Советскому Союзу. Руководители области, среди которых были и деятели культуры, и даже еврейские писатели, были арестованы. Вся их деятельность в области за период с 1945 по 1948 годы была названа «националистической».¹⁰²

К концу 40х годов то, что являлось побудительной силой к основанию Еврейской автономной области, стало обвинением: «насаждение еврейской культуры не имеет под собой почвы, поскольку большинство населения области еврейским не является».¹⁰³ Слишком большое внимание к развитию еврейской культуры в Еврейской области обратилось в преступление и предательство по отношению к стране. Евреев заманили на Дальний восток строить еврейское государство, за существование которого спустя время их обвинили в национализме.

Эмиот иронично относится к обвинениям, которые были выдвинуты в адрес еврейского народа и ЕАО: «Подлые наветы, клеветническое слухи мгновенно разрастались, как снежный ком: в центре ЕАО, в Биробиджане, возникло шпионское гнездо, которое превращается в «плацдарм мировой реакции». В результате этого территория ЕАО будет отторгнута и присоединена...к Соединенным Штатам Америки».¹⁰⁴ В то время комиссия МГБ установила, что все труды биробиджанских писателей являются буржуазно-националистическими.¹⁰⁵

Эмиота арестовали в 1948 году и осудили за работу корреспондентом в Еврейском антифашистском комитете и контрреволюционную деятельность.¹⁰⁶ После амнистии он вернулся из лагеря в Биробиджан, где к нему, как еще не реабилитированному, относились с недоверием. Еврейская культура в Биробиджане была, по словам писателя, полностью разорена.

¹⁰² Эмиот И. Биробиджанское дело. Нью-Йорк, 1960. С. 7.

¹⁰³ Там же. С. 10.

¹⁰⁴ Там же. С. 10.

¹⁰⁵ Там же. С. 26.

¹⁰⁶ Там же. С. 27.

Дома еврейских артистов были заселены другими жильцами нееврейского происхождения, Биробиджанский ГОСЕТ стал Домом пионеров, «а в кинотеатре “Биробиджан” талантливая еврейская певица исполняет русские песни в стиле танго...»¹⁰⁷

На еврейских страницах газеты «Биробиджанер штерн» нанайские и русские писатели заменили еврейских. «Областная газета, когда-то публиковавшая произведения еврейских писателей, превратилась в жалкий однополосный листок, публикуя переводы стихов молодого поэта Андрея Пассара, представителя коренной малочисленной народности Дальнего Востока – нанайцев, проживающих по берегам Амура и его притоков. Этот поэт, чье имя мало что говорит даже местным читателям, живет в Биробиджане. Ему дали хорошее жилье, а хабаровский Союз писателей отправил его учиться в московский Литературный институт. Он пишет о рыбаках и охотниках, коими преимущественно являются его соплеменники. Народность, к которой он принадлежит, насчитывает всего несколько тысяч человек, но чем евреи хуже?»¹⁰⁸

А в книжных магазинах Биробиджана продавались книги на самых разных языках народов СССР за исключением еврейского. «Заведующая книжным магазином, почтенная русская женщина, моему вопросу, куда подевались еврейские книжки, не удивилась и ответила с иронией, побиробиджански: ‘Наверное, еврейские писатели перестали писать’».¹⁰⁹

Писатель задается вопросом, почему именно евреи стали нежеланным народом, разве они сделали меньше, чем другие народы?

Символическим стал случай в послевоенном Биробиджане, когда от еврейского в Еврейской автономной области ничего не осталось, сгорела единственная синагога: «В этом огне погибла последняя твердыня еврейской

¹⁰⁷ Эмиот И. Биробиджанское дело. Нью-Йорк, 1960. С. 147.

¹⁰⁸ Там же. С. 147.

¹⁰⁹ Там же. С. 148.

жизни – синагога...Это небольшое строение выглядело островком старой еврейской жизни в бурном море новой жизни, в которой еврейской традиции, увы, не оставалось места...».¹¹⁰ От еврейской книги в городе осталось «несколько стыдливо полупустующих полок случайно уцелевших книг еврейских авторов». Книги писателей, а также священные книги были признаны вражескими и сожжены. «Многие евреи боялись хранить в своих домашних библиотечках еврейские книги: вдруг среди них попадет книжка осужденного писателя, и за это придется отвечать».¹¹¹ Самые смелые закапывали еврейские книги в землю.

«Все музейные предметы и артефакты еврейской культуры были уничтожены. Лишились всякого еврейского содержания получасовые радиопередачи на идиш. Ни одного теплого сердечного слова, связывающего между собой евреев мира, там не звучит».¹¹²

¹¹⁰ Эмиот И. Биробиджанское дело. Нью-Йорк, 1960. С. 150.

¹¹¹ Там же. С. 150.

¹¹² Там же. С. 150.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Данная дипломная работа посвящена проблеме положения еврейской культуры в советское время на примере осуществления Биробиджанского проекта по выделению евреям национальной территории, а так же исследованию представлений о данном проекте в литературе на идише. На Дальнем Востоке еврейское население сконцентрировано не было, но по различным политическим и экономическим причинам для заселения была выбрана именно эта территория. Для привлечения людей была создана пропагандистская кампания, в которой участвовали политические деятели, деятели искусств, в том числе и литераторы. Биробиджанский проект позиционировал себя как проект национальный, призванный решить еврейский вопрос в Советском Союзе, поэтому в осуществлении проекта участвовали многие еврейские писатели. Их задача состояла в том, чтобы сформировать привлекательный образ Дальнего Востока и не превратить его в утопию, демонстрируя умеренно правдивое изображение действительности – в этом было свое искусство социалистического реализма. Писатели посредством своего произведения помогали читателям психологически адаптироваться к советской реальности, настраивали на определенную волну.

В исследованной еврейской литературе советского периода была выявлена общая закономерность – изображение тяжелой, но счастливой жизни рабочих, обличение капиталистического мира или сатирический взгляд на ту или иную сторону советской повседневности. У мемуаров, посвященных Биробиджанскому проекту, в свою очередь, была другая задача – обличить темные стороны проекта, показать другую реальность происходящего: антисемитизм, репрессии в отношении еврейского населения, обвинения в национализме и предательстве и уничтожение тех остатков еврейской культуры, что существовали в Советском Союзе.

Данная работа представляет ценность для исследования не только еврейской культуры, но и культур других национальных меньшинств, используя в качестве ресурсов помимо исторических архивных документов, художественную литературу и мемуары.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ И ИСПОЛЬЗОВАННЫХ РЕСУРСОВ

1. *Журавлева О. П.* История книжного дела в Еврейской автономной области (конец 1920х – начало 1960 – х гг.). Хабаровск, 2008.
2. *Блюм А. В.* Еврейский вопрос под советской цензурой 1917-1991. Санкт-Петербург, 1996.
3. *Блюм А. В.* Советская цензура в эпоху тотального террора 1929—1953. Санкт-Петербург, 2000.
4. *Костырченко Е.Г.* Тайная политика Сталина. Москва, 2003.
5. *Костырченко Е. Г.* Государственный антисемитизм в СССР. Москва, 2005.
6. *Паперный В. З.* Культура два. Москва, 1996.
7. *Бренер И. С. и Заремба А. В.* Биробиджанский проект в научных исследованиях. Ценности и интересы в истории Еврейской автономной области. Киев, 2013.
8. *Добренко Е. А.* Политэкономия соцреализма. Москва, 2007.
9. *Бергельсон Д.* Биробиджанские мотивы // Литературный Биробиджан. Хабаровск, 1994.
10. *Давид Вайсерман.* Биробиджан: мечты и трагедии. Хабаровск, 1999.
11. *Емима Черновиц-Авидар:* биробиджанский дневник // Мы здесь №188. 5-11 декабря, 2008.
URL: <http://newswe.com/index.php?go=Pages&in=view&id=864> (дата обращения: 03.04.2016).
12. *Гольдштейн М.* Биробиджанцы на Амуре (идиш). Москва, 1934.
13. *Гордон Ш.* Биробиджанцы. Путевые заметки (идиш). Москва, 1947.
14. *Житловский Х.* Воспоминания (идиш). Том. 2. Нью-Йорк, 1915.

15. *Житловский Х.* Решение еврейского вопроса (идиш). Значение Биробиджана. Нью-Йорк, (?).
16. *Мальтинский Х.* Суд над Биробиджаном (идиш). Тель-Авив, 1981.
17. *Эмиот И.* Биробиджанское дело (идиш). Нью-Йорк, 1960.
18. *Салтыков-Щедрин М. Е.* Собрание сочинений в 20 томах. Москва, 1965. Т. 9.
19. *Leonard Prager with the help of Greenbaum A. A.* Yiddish Literary and Linguistic Periodicals and Miscellanies. URL: <http://yiddish.haifa.ac.il/reference/Biblio/introduc.htm> (дата обращения: 10.04.2016).
20. *Николаев Д. Д.* Художественная литература как пропаганда: установка и восприятие. URL: <https://www.academia.edu/10264052> (дата обращения: 23.04.2016).
21. *Гартаковский А. Г.* Мемуаристика как феномен культуры // Вопросы литературы, 1999. №1. С. 35-54.